

Свет в зале для совещаний все ещё горел, что означало, что обсуждение ещё не завершилось. Хуа Маньлоу невольно заинтересовался, что же за дело оказалось настолько сложным. Он хорошо знал способности своего брата и отца, ведь без их умений огромное состояние семьи Хуа вряд ли удалось бы сохранить в целости. Хотя Хуа Маньлоу и не участвовал в коммерческих делах, он знал, что их семейное дело продолжало расширяться, что лишь подтверждало высокий уровень мастерства его отца и брата. Но что же это за проблема, которую они до сих пор не смогли решить?

Дверь зала для совещаний тихо приоткрылась, и в проёме появилась фигура, стоящая спиной к свету свечей. Белоснежные одежды делали его особенно заметным в темноте, гораздо более заметным, чем Тан Мочэнь, стоявший рядом в тёмно-синем костюме с чёрными вставками. Конечно, нельзя исключать, что это было связано с его телосложением.

— Сяо Ци, как ты оказался здесь? — Глава семьи Хуа сразу же узнал своего младшего сына, стоявшего в дверях, и пригласил его сесть.

В последнее время они с братом были так заняты, что боялись, как бы чуткий Сяо Ци не заметил их усталости, поэтому долгое время не навещали его. Теперь же они немного соскучились по нему.

— Отец, что случилось? — спросил Хуа Маньлоу, едва успев сесть.

— Лоуэр, ты слышал о Лагере Десяти Дымов? — спросил Хуа Жулин.

— Лагерь Десяти Дымов? Какое отношение они имеют к этому? — Хуа Маньлоу был озадачен.

Лагерь Десяти Дымов, хотя и был пристанищем разбойников, пользовался неплохой репутацией и считался местом обитания благородных разбойников.

Лагерь Десяти Дымов был горным укреплением, где обитала группа разбойников. Их главарь, Хэ Гун, хотя и был разбойником, выбирал свои цели с умом: он не трогал близлежащие деревни и не грабил бедняков. Иногда, увидев, как кого-то обижают, он даже помогал. Поэтому императорский двор не организовывал крупных карательных операций против них.

— В Хэцзянь случилась засуха, и каждый раз, когда мы отправляем туда зерно, Лагерь Десяти Дымов его перехватывает, — объяснил Хуа Жулин.

В Хэцзянь неожиданно началась сильная засуха, и местные жители остались без урожая. Магазины семьи Хуа в этом регионе, желая помочь людям, решили продавать зерно по низким ценам, значительно ниже обычных. Однако другие торговцы решили нажиться на беде. Хотя они и не могли ничего сделать против мощи и влияния семьи Хуа, запасы зерна в Хэцзянь быстро иссякли.

Хуа Жулин немедленно распорядился отправить зерно из Цзяннаня, но на этот раз Лагерь Десяти Дымов почему-то сосредоточился исключительно на семье Хуа, перехватывая всё, что проходило мимо их укрепления. За последние две недели удалось доставить лишь небольшое количество зерна из других мест и закупить его по завышенным ценам у местных торговцев. Однако этого было слишком мало, так как большая часть зерна была перехвачена Лагерем Десяти Дымов.

Учитывая прошлые поступки Лагеря, Хуа Жулин сначала подумал, что это недоразумение, ведь это было зерно для помощи пострадавшим, и Лагерь, судя по их поведению, не стал бы его перехватывать. Поэтому он сразу же отправил шестого брата Хуа на переговоры с Лагерем, но

главарь Хэ Гун просто выгнал его.

— Отец, выяснили, почему Лагерь перехватывает наши грузы? — Хуа Маньлоу тоже чувствовал, что здесь какая-то ошибка.

Лагерь Десяти Дымов не похож на тех, кто стал бы поступать так.

— Нет, я продолжаю отправлять людей на переговоры, но Лагерь отказывается с ними разговаривать. Однажды они даже чуть не убили наших людей. Если бы те, кто поехал, не были так сильны в боевых искусствах, они бы уже погибли.

Хотя семья Хуа и была купеческой, она занимала определённое положение в мире боевых искусств. Поэтому все, от Хуа Жулина до слуг, владели некоторыми техниками боя, а Хуа Маньлоу и вовсе был одним из лучших бойцов в мире.

— Отец, позвольте мне отправиться в Лагерь Десяти Дымов. Здесь явно какое-то недоразумение.

Хотя Хуа Жулин знал, что Хуа Маньлоу обладает выдающимися боевыми навыками, он всё же беспокоился за него, отправляя одного. К счастью, с ним был Лу Сяофэн, что значительно успокоило Хуа Жулина. Однако рядом с Хуа Маньлоу был ещё и Тан Мочэнь, и вот тут возникла проблема. Тан Мочэнь не сказал, что хочет поехать, но как только Хуа Маньлоу объявил о своём намерении отправиться в Лагерь, Тан Мочэнь ухватился за его одежду и не отпустил.

Намерения Тан Мочэня были предельно ясны: он тоже хотел поехать. Поскольку отец уже отправлял множество людей, но проблема так и не была решена, Хуа Маньлоу не думал, что они смогут решить её сходу. Наоборот, если это действительно недоразумение, то, скорее всего, семья Хуа стала жертвой чьего-то заговора. И они могли догадаться, кто именно стоит за этим, ведь время было слишком подозрительным, чтобы не вызвать подозрений.

Именно из-за того, что кто-то, вероятно, замыслил против семьи Хуа, их поездка становилась ещё более опасной. Поэтому Хуа Маньлоу очень хотел, чтобы Тан Мочэнь остался дома и ждал его и Лу Сяофэна. Однако Тан Мочэнь категорически отказался.

Тогда Хуа Маньлоу серьёзно объяснил Тан Мочэню всю серьёзность ситуации и связанные с ней опасности, пытаясь убедить его остаться. Но вместо того чтобы согласиться, Тан Мочэнь лишь крепче сжал его одежду, в его глазах читалось упрямство, а губы были плотно сжаты. Хуа Маньлоу смягчился, но он действительно не мог взять его с собой.

Когда все уже отчаялись, Лу Сяофэн взял ножницы и с хрустом отрезал кусок одежды, за который держался Тан Мочэнь. Все напряжённо смотрели на Тан Мочэня, боясь, что он заплачет. Однако, будучи мастером скрывать эмоции, Тан Мочэнь не проронил ни слезинки.

Все увидели, как Тан Мочэнь бросился вперёд и обнял Хуа Маньлоу. Поскольку ему было всего семь или восемь лет, он обхватил лишь ногу Хуа Маньлоу. Лу Сяофэн молча посмотрел на Тан Мочэня и Хуа Маньлоу, затем на ножницы в своей руке и спокойно положил их обратно. Это действительно было сложно отрезать. Теперь у всех просто не осталось выхода.

Хуа Маньлоу наклонился, погладил Тан Мочэня по голове и начал мягко уговаривать его остаться, не проявляя ни капли нетерпения. Тан Мочэнь слушал его, время от времени кивая, чтобы показать, что он понимает, но его руки сжимали Хуа Маньлоу всё крепче.

Тем временем Лу Сяофэн был выведен пятым братом Хуа, видимо, для какого-то важного

разговора.

— Лу Сяоци, ты должен хорошо позаботиться о Сяо Ци и Сяо Чэне. Если они получают хотя бы малейшую царапину, я гарантирую, что каждый раз, когда ты будешь приходить в дом Хуа, тебя будут угощать прекрасным вином, но ты сможешь только смотреть и нюхать его, а пить — нет.

Лу Сяофэн был в замешательстве. Он ведь шёл помогать, так почему же ему угрожали? И угрожали ему те, кому он помогал! Вина в погребе семьи Хуа были настоящими шедеврами. Если бы он действительно мог только смотреть и нюхать их, но не пить, он бы умер от слюнотечения и зависти. Это был бы слишком унижительный способ умереть. Если уж умирать, то хотя бы после того, как насладишься прекрасным вином.

— Пятый брат, вы действительно хотите, чтобы Сяо Чэнь поехал с нами?

— Глупости! Ты думаешь, если вы оставите его здесь, он будет спокойно сидеть? Это было бы ещё опаснее.

Лу Сяофэн промолчал. Учитывая, как сильно Тан Мочэнь привязан к Хуа Маньлоу, он вряд ли останется на месте. Лучше взять его с собой, чем позволить ему тайно следовать за ними.

— Пятый брат, не волнуйся. Хуа Маньлоу — мой лучший друг, а Сяо Чэня я тоже очень люблю. Даже если я сам получу ранение, я не допущу, чтобы с ними что-то случилось.

— Ты сам это сказал. Когда вернёшься, я посчитаю. Если хоть один волос упадёт с их голов, я разберусь с тобой.

Лу Сяофэн чуть не заплакал. Это ведь было просто преувеличение, пятый брат, не принимай это всерьёз! Лу Сяофэн уже видел, как его вино удаляется от него всё дальше.

Тем временем, как бы Хуа Маньлоу ни уговаривал Тан Мочэня, тот не отпускал его. В конце концов, в глазах Тан Мочэня появились слёзы, а в голосе послышалась дрожь, хотя он изо всех сил старался сдержаться. Хуа Маньлоу, хоть и не видел, но слышал изменения в голосе Тан Мочэня.

— Брат Хуа, пожалуйста, не оставляй меня.

Хуа Маньлоу замер. Ребёнок, обнимавший его ногу, боялся. Хуа Маньлоу вспомнил, что с тех пор, как они встретились, Тан Мочэнь всегда был рядом с ним, когда он уходил. Тогда Хуа Маньлоу понимал, что он боится, боится, что они снова окажутся в разных мирах после разлуки.

<http://bllate.org/book/16231/1458201>